

Санников С. В.

Профессор кафедры международных отношений
Сибирского института международных отношений
и регионоведения

Кандидат исторических наук
MA in Scandinavian History

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ
V-VI ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ИОРДАНА И ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО)**

Политическая мифология является важным элементом идеологической системы обществ, основанных на традиционном господстве. Подтверждением этому может служить трансляция политических мифов в памятниках раннесредневековой историографии, имеющих идеологическую направленность, и призванных формировать определенный образ государственной власти. Большой интерес в данном отношении представляет интерпретация внешней политики германских королевств и этнополитических общностей V-VI вв. н.э. в произведениях Иордана и Григория Турского, в частности, политические мифы, связанные с периодом правления вестготских королей Алариха I и Алариха II.

Одним из ранних политических мифов, представленных в произведении Иордана, генетически восходящим в ключевых своих составляющих к работам Аврелия Августина и Павла Орозия является миф о короле Аларихе I как герое и праведнике. Психологический срез образа короля Алариха I в работе Иордана прослеживается уже в характеристике, данной ему автором для отличия этого короля от его далекого потомка, – Аларих «Великий» (*Alaricus magnus*)¹. Манифестация величия прослеживается в самом происхождении этого короля, который

---

¹ Iordanes. De origine actibusque Getarum (Getica) // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. P.53–138. (Далее - Get.) §245: Huic successit proprius filius Alarichus, qui nonus in numero ab illo Alarico magno regnum adeptus est Vesegotharum.

«отличался **чудесным происхождением** (*origo mirifica*) из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважного»². *Чудесное происхождение* (*origo mirifica*), на которое в приведенном фрагменте недвусмысленно указывает автор, является в мифологических конструкциях проекцией архетипа Ребенка (юного героя), как правило, формирующего фигуру эпического героя.

Следующий фрагмент описания Иордана представляет чрезвычайно большой интерес с точки зрения содержащихся в нем мифологем: «Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем, он, держа совет со своими, убедил их, что лучше **собственным трудом добыть себе царство** (*suo labore quaerere regna*), чем **сидя в бездействии** (*per otium*) подчиняться [царствам] чужим. И, подняв войско, через Паннонию – в консульство Стилихона и Аврелиана – и через Сирмий, правой стороной **вошел он** (*intravit*) в Италию, которая казалась опустошенной от мужей: никто ему не сопротивлялся, и **он подошел** (*applicavit*) к мосту Кандидиана, который отстоял на три милиария от столицы Равенны»³.

Regnum выступает в приведенном выше фрагменте в качестве награды за ратный труд (*labore*), что отражает одну из составляющих героического мифа, в котором герой получает воздаяние судьбы, обретая своими подвигами царство как некую мистическую награду. Далее категория праздности (*otium*), применяемая по отношению к состоянию готов под влиянием сыновей Феодосия, которые «проводя жизнь в роскоши... принялись губить оба государства» (*rem publicam luxuriose viventes*

---

² Get. 146: Postquam vero Theodosius amator pacis generisque Gothorum rebus excessit humanis coeperuntque eius filii utramque rem publicam luxuriose viventes adnihilare auxiliariisque suis, id est Gothis, consueta dona subtrahere, mox Gothis fastidium eorum increvit, verentesque, ne longa pace eorum resolveretur fortitudo, ordinato super se rege Halarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Balthorumque ex genere origo mirifica, qui dudum ob audacia virtutis Baltha, id est est audax, nomen inter suos acceperat.

³ Get. 147: Mox ergo antefatus Halaricus creatus est rex, cum suis deliberans suasit eos suo labore quaerere regna quam alienis per otium subiacere, et sumpto exercitu per Pannonias Stilicone et Aureliano consulibus et per Sirmium dextroque latere quasi viris vacuum intravit Italiam nulloque penitus obsistente ad pontem applicavit Candidiani, qui tertio miliario ab urbe aberat regia Ravennate.

adnihilare), противопоставляется категории движения (intrare, applicare), начатого персонально Аларихом: «**вошел он** (intravit) в Италию... **подошел** (applicavit) к мосту Кандидиана»⁴. В данном образе четко прослеживается влияние мифологической фигуры проводника, ведущего свой народ к избавлению от тягот странствия и лишений чужбины. Более того, Аларих предстает как спаситель всего римского государства от праздности и расточительства сыновей Феодосия.

Далее Иордан транслирует образ готов как друзей римского народа, испытывающий на себе явное влияние идеологических конструкций эпохи остготского королевства Теодориха: «Итак, когда войско везеготов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии (ut Gothi pacati in Italia residerent), они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое, (sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit)». Героический лейтмотив предполагает решение спора между претендентами на власть в поединке, что также достаточно четко прослеживается в повествовании Иордана: «Если же нет, то надо решить дело войной, – кто кого в силах изгнать (bellando quis quem valebat expellere), – и тогда победитель пусть и повелевает, уверенный [в своей силе] (et iam securus qui victor existeret imperaret)»⁵.

Следующая серия составляющих готского мифа прослеживается в повествовании о направлении готов в Галлию и предательском нападении войска Стилихона: «После их ухода, – а **они не причинили в Италии никакого вреда** (nec quisquam mali in Italia perpetrato), – патриций Стилихон, зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Термантию, одну за другой, но Бог призвал к себе их обеих сохранившими девственность и чистоту); так вот этот Стилихон **тайно подошел** (dolose accedens) к Полентии, городу в

---

⁴ Get. 147.

⁵ Get. 152: Verum enim vero cum in eius vicinitate Vesegotharum applicuisset exercitus et ad Honorium imperatorem, qui intus residebat, legationem misisset, quatenus si permitteret, ut Gothi pacati in Italia residerent, sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit: sin autem aliter, bellando quis quem valebat expellere, et iam securus qui victor existeret imperaret.

Коттийских Альпах, – готы же **не подозревали ничего дурного** (*nihilque male suspicantibus*), – и, на **погибель всей Италии** (*ad necem totius Italiae*) и **бесчестье себе** (*suamque deformitatem*), бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбуждая себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, **разъяренные** (*furibundoque animo*), они меняют предпринятый путь и возвращаются в Лигурию, по которой только что прошли»⁶.

В приведенном выше фрагменте действия Стилихона, осуществлявшего умелые действия по обороне Италии от разрушительных вылазок войск Алариха в 402 году, представлены как коварные и неудачные предприятия, осуществленные против дружелюбного и ничего не подозревавшего народа. Весьма интересно то, что Иордан, следовавший традиции Марцеллина Комита в описывании действий враждебного Византии короля остготов Бадвилы (Тотилы) как «несчастья Италии» (*malo Italiae*)⁷, представляет в данном фрагменте причиной «погибели Италии» (*necem totius Italiae*) римского полководца и фактического правителя Западной римской империи Стилихона. Последующие действия вестготов предстают в изображении автора как результат справедливой «ярости», посетившей вестготов после столь подлого предательства их интересов со стороны римлян. При этом, однако, автор отмечает, что, даже несмотря на охватившую их ярость, вестготы, «вступив в Рим... по приказу Алариха, только грабят, но **не поджигают, как в обычае у варваров** (*ut solent gentes*), и **вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над**

---

⁶ Get.154: Post quorum discessu nec quicquam mali in Italia perpetrato Stilico patricius et socer Honorii imperatoris nam utramque eius filiam, id est Mariam et Thermantiam, sibi princeps unam post unam consocians utramque virginem et intactam deus ab hac luce vocavit hic ergo Stilico ad Polentiam civitatem in Alpes Cottiarum locatam dolose accedens, nihilque male suspicantibus Gothis ad necem totius Italiae suamque deformitatem ruit in bello. Quem ex improviso Gothi cernentes primum perterriti sunt, sed mox recollectis animis et, ut solebant, hortatibus excitati omnem pene exercitum Stiliconis in fuga conversum usque ad internicionem deiciunt furibundoque animo arreptum iter deserunt et in Liguria post se, unde iam transierant, revertuntur.

⁷ Iordanes. Romana. Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. P.50.

святыми местами (*nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur*)»⁸.

В рассматриваемом фрагменте произведения Иордана ключевой для понимания источников образа короля Алариха как праведника может считаться последняя фраза о недопущении разрушения и надругательств готами над христианскими святынями. Данное обстоятельство вторжения Алариха в Рим также являлось одним из ключевых аргументов Аврелия Августина в демонстрации положительного влияния христианства: «Действительно, когда даже те убийцы, которые во всех прочих местах проявляли себя безжалостными, пришли к местам, где было запрещено то, что право войны разрешало во всех остальных местах, их свирепая жажда убийства и пленения была обуздана. Так спаслись многие, кто ныне осуждает христианскую веру, и возлагает на Христа беды, которые обрушились на их город. Но сохранение их собственной жизни – благо, которому они обязаны почитанием Христа среди варваров, они приписывают не Христу, а их собственной удаче»⁹. Возможный интеллектуальный ренессанс язычества представлялся Августину более опасным явлением, нежели грядущий упадок римской государственности или последствия вторжения готов Алариха, поскольку варвары в решающий для истории римской церкви момент проявили терпимость и уважение к христианской культуре.

Павел Орозий, развивающий историографическую концепцию Августина, отмечает, что Аларих, прежде чем вторгнуться в Рим, «приказал, чтобы все те, кто укрылся в святых местах, прежде всего, в базиликах святых апостолов Петра и Павла, оставались нетронутыми. Он разрешил своим людям сколько угодно предаваться грабежу, но приказал воздерживаться от кровопролития. Еще одним доказательством того, что падение Города было результатом гнева Господа, а не храбрости врага, является то, что благословенный Иннокентий, епископ Рима, который в это время был в Равенне, посредством провидения

---

⁸ Get. 155: *eamque praedis spoliisque potiti Emiliam pari tenore devastant Flamminiaeque aggerem inter Picenum et Tusciam usque ad urbem Romam discurrentes, quidquid in utrumque latus fuit, in praeda diripiunt. Ad postremum Romae ingressi Halarico iubente spoliant tantum, non autem, ut solent gentes, igne supponunt nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur.*

⁹ Aurelius Augustinus. *De civitate Dei*, I, 1. Перевод мой – С.С.

Господа, подобно тому, как Лот был избавлен от лицемерия гибели жителей Содома, избежал участи видеть падение грешного народа»¹⁰. Аларих, таким образом, выступает в интерпретации Орозия как орудие гнева Божия, как богопослушный и неистовый варвар, искореняющий семена греха, проросшие в вечном Городе.

Героический образ Алариха дополняется в произведении Иордана чертами отважного мятежника, силой захватывающего сокровища столицы мира, и бросающего вызов не только мировому порядку, но и самой судьбе: «Итак, туда-то и пришел Аларих, король везеготов, с богатствами целой Италии, захваченными как добыча, и оттуда, как было сказано, предполагал через Сицилию переправиться в спокойную страну Африку, но, так как не дозволено, **чтобы кто-либо из людей располагал [судьбой своей] без ведома Божия** (quodcumque homo sine notu Dei disposuerit), страшная пучина морская поглотила несколько его кораблей, а многие разбросала»¹¹.

Фигуры вестготских королей Алариха I и Алариха II в произведении Иордана представлены как имеющие мистическую связь, отраженную в судьбе вестготского королевства в Аквитании: «То же самое, что было с Августами, о которых мы говорили выше, произошло, как известно, и с Аларихами: царства (regna) часто кончаются на тех самых именах, с каковых они начались»¹². В то же время Иордан обходит вниманием жизнь и правление короля везеготов Алариха II, отмечая лишь, что он был сыном Эвриха: «Ему наследовал собственный его сын Аларих, воспринявший королевство везеготов девятым по счету, начиная от того великого Алариха». Упоминания Алариха II в произведении Иордана неизменно уводят его фигуру в тень другого великого правителя, Теодориха Амала, который выступал покровителем его сына: «От Алариха родился Амаларих, которого дед Теодорих, когда тот в

---

¹⁰ Paulus Orosius. *Historiarum adversum paganos*. VII, 39. Перевод мой – С.С.

¹¹ Get. 157: Ibi ergo veniens Alaricus rex Vesegotharum cum opibus totius Italiae, quas in praeda diripuerat, et exinde, ut dictum est, per Siciliam ad Africam quietam patriam transire disponens. Cuius, quia non est liberum quodcumque homo sine notu dei disposuerit, fretus ille horribilis aliquantas naves submersit, plurimas conturbavit. Qua adversitate depulsus Halaricus, dum secum, quid ageret, deliberaret, subito in matura morte praeventus rebus humanis excessit.

¹² Get. 245: Nam pari tenore, ut de Augustis superius diximus, et in Alaricis provenisse cognoscitur, et in eos saepe regna deficient, a quorum nominibus inchoarunt.

отроческих годах лишился своих родителей, лелеял и опекал»; «Оруженосца Тиудиса после смерти зятя своего Алариха он поставил опекуном над внуком Амаларихом в королевстве Испании». По всей видимости, образ Алариха II, утратившего господство в Галлии, не вполне устраивал Кассиодора и Иордана с точки зрения формируемой идеологии остготского королевства.

Вместе с этим, образ короля Алариха II активно эксплуатируется в политической мифологии франкского королевства в произведении Григория Турского. В рамках данного мифа этот правитель, предпринимавший значительные попытки гармонизации отношений между вестготским и галло-римским населением его королевства, предстает угрозой цивилизованной Галлии. Конструирование данного мифа начинается с описания интенций римского населения вестготского королевства перейти под власть короля Хлодвига: «Многие жители Галлии очень хотели тогда быть под властью франков»¹³. Данный тезис является своеобразным прологом к дальнейшему изложению мифа об освобождении Галлии от вестготского гнета.

Пользуясь методологией Р. Барта, выделим следующие составляющие мифа в нарративе Григория: **Форма мифа (означающее)** получает выражение в описании преследования Аларихом II ортодоксальных христиан: «Вот почему случилось так, что стали изгонять из города Квинциана, епископа родезского. «Ведь ты желаешь, – говорили ему, – чтобы франки владели этой страной и здесь господствовали». А спустя несколько дней между ним и горожанами возникла ссора, и так как последние упрекали Квинциана в том, что он желает подчинить их власти франков, то у готов, живущих в этом городе, возникло к нему подозрение, и они приняли решение убить его мечом»¹⁴.

Весьма характерно, что автор воздерживается от описания законодательной деятельности Алариха II, направленной, в том числе, на защиту прав церкви, а также на упоминание того факта, что именно в период правления Алариха II в вестготском королевстве прошел первый в истории германских «варварских» королевств ортодоксальный церковный собор. В повествовании Григория демонстрируется ненависть вестготов к христианскому

---

¹³ Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. T.I, P.I, Fasc.I. Hannoverae, 1937. *Gregorii Turonensis libri Historiarum* II, 35.

¹⁴ *Gregorii Turonensis libri Historiarum* II, 36.

праведнику, якобы желавшему скорейшего установления франкского господства в Галлии, что призвано выступить в контексте повествования признаком того, что вестготам ненавистна всякая форма праведности и порядка.

Содержанием мифа (означаемым) является положение о том, что король франков Хлодвиг являлся избавителем Галлии от притеснений короля Алариха II, придерживавшегося еретического вероисповедания: «И вот король Хлодвиг сказал своим: «Я очень обеспокоен тем, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдемте с Божьей помощью на них и, победив их, подчиним нашей власти страну». И так как его речь понравилась всем, Хлодвиг, выступив с войском, направился в Пуатье. Там тогда находился Аларих»¹⁵.

Выявленная **связь означающего и означаемого** подтверждается описанием дальнейших действий Хлодвига характеризующих его как праведника, проводящего ночи в молитвенных бдениях, и защитника интересов ортодоксальной церкви. Наиболее явно мифологические черты данного образа прослеживаются в ремарках автора о том, что «Господь наделил Хлодвига такой небесной благодатью, что при одном его взгляде стены сами собой рушились»¹⁶. Победа Хлодвига над Аларихом, таким образом, предстает исполнением воли Бога, восстановлением справедливости и божественного порядка, а образ короля носит очевидные черты мифологической фигуры праведника.

Таким образом, интерпретация внешней политики германских «варварских» королевств конца V – начала VI в. н.э. в произведениях Иордана и Григория Турского носит явные черты политической мифологии. Рассмотренные примеры позволяют проследить, как внешняя политика правителей вестготского и франкского королевства становится в произведениях авторов элементом мифологической системы, направленной на формирование соответствующей государственной идеологии. Содержание представленных мифологем находится в контексте общей направленности произведений, испытывая на себе влияние религиозных взглядов авторов, их этнической и социальной идентичности, политических целей и задач. Изучение мифологической составляющей, таким образом, может считаться важной составляющей анализа историографического памятника,

---

¹⁵ *Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 37.*

¹⁶ *Gregorii Turonensis libri Historiarum II, 37.*

поскольку содержание мифа в значительной степени отражает концептуальную позицию автора.

Резюме статьи:

Санников С. В. *Политический миф в раннесредневековой историографической интерпретации внешней политики германских королевств V-VI вв. (на примере произведений Иордана и Григория Турского)*

Анализ произведений Иордана и Григория Турского позволяет проследить, как внешняя политика правителей вестготского и франкского королевства V-VI вв. становится в произведениях авторов элементом мифологической системы, направленной на формирование соответствующей государственной идеологии. Содержание представленных мифологем находится в контексте общей направленности произведений, испытывая на себе влияние религиозных взглядов авторов, их этнической и социальной идентичности, политических целей и задач. Изучение мифологической составляющей, таким образом, может считаться важной составляющей анализа историографического памятника, поскольку содержание мифа в значительной степени отражает концептуальную позицию автора.

Sannikov S.V. *Political Myth in Early Medieval Historiographical Interpretation of Foreign Policy of Germanic Kingdoms of the V-VI centuries (by Jordanes and Gregory of Tours)*

Analysis of the works of Jordanes and Gregory of Tours reveals how the foreign policy of the kings of the Visigothic and Frankish kingdoms of the V-VI centuries becomes a part of the mythological system, designed to shape certain state ideology. The content of the myths is determined by the general orientation of the works, testing the impact of the religious views of the authors, their ethnic and social identity, political goals and objectives. The study of mythology is, therefore, can be considered an important part of the analysis of a historiographical work, since the content of myth to a large extent reflects a conceptual position of the author.